

книге, посвящённой внешней политике Италии во время своего пребывания в должности министра иностранных дел, пишет, что итальянское правительство всегда было против «отделения Европы от Америки», и поэтому он критиковал проект Пан-Европы Аристиды Бриана. Отдавая дань уважения американскому индивидуализму, он замечает, что «благополучие нации – это результат благополучия отдельных личностей, таким образом, только лишь благополучие личности определяет всеобщее процветание», а также приходит к выводу, что два года кризиса показали, что «Европа не может больше обойтись без Америки»¹³³. Впрочем, инициатива Гранди о возвращении США в Европу в тех политических реалиях осталась без последствий. Америка сосредоточилась на внутренних проблемах.

Е.В. Журихина

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ОСЕНЬЮ 1939 Г.: ДИСКУССИЯ О «ВОЕННОМ КУРСЕ»

Вторая мировая война явилась переломным моментом в развитии Великобритании, а также в истории коммунистического движения Британии. Дискуссия о политической стратегии в условиях начавшегося мирового конфликта обострила многие противоречия внутри партии и способствовала столкновению различных мнений. Первые месяцы войны, а именно сентябрь – ноябрь 1939 г. – один из наиболее насыщенных событиями периодов в истории Коммунистической партии Великобритании (КПВ). Вторая мировая война, по высказыванию авторитетного британского исследователя А. Торпа, стала для КПВ временем «вызовов и новых возможностей»¹³⁴.

В течение 1930-х гг. коммунисты открыто выступали против политики «умиротворения» гитлеровской Германии, проводимой консервативным правительством под руководством Н. Чемберлена. Компартия неоднократно организовывала антифашистские шествия, демонстрации, а зачастую рядовые члены партии открыто противодействовали агитации Британского союза фашистов, который под руководством О. Мосли разжигал антисемитские и фашистские настроения.

Активная общественная деятельность коммунистов привела к росту ее влияния. К 1939 г. значительно возросло представительство коммунистов в исполнительных комитетах тред-юнионов. Коммунистическая партия Великобритании имела 64 представителя в 32 профессиональных союзах¹³⁵. Увеличилась и численность партии. В 1939 г. в партии состояло 17539 человек¹³⁶.

В 1939 г. непосредственно перед началом войны Коммунистическая партия провела кампанию против дополнительного призыва в армию. Грядущий мировой конфликт определялся коммунистической пропагандой как империалистический по сути. КПВ неоднократно призвала Британию заключить союз с СССР для того, чтобы избежать войны. Таким образом, союзнические отношения коммунисты рассматривали как единственную возможность для предотвращения конфликта. Именно поэтому заключение в августе 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа стало для лидеров и рядовых членов КПВ большой неожиданностью. Подписание договора о ненападении свидетельствовало о кардинальных изменениях в расстановке сил на мировой арене, а это означало и перемены в политической стратегии как коммунистического движения в целом, так и Коммунистической партии Великобритании. Однако перед самым началом войны Коминтерн, долгое время направлявший политику коммунистических партий по всему миру, не дал руководящих указаний.

На следующий день после вступления Великобритании в войну с Германией компартия выпустила тиражом в 250 000 листовку «Военная политика коммунистов. Обращение к жителям Великобритании»¹³⁷. В листовке одобрялось начало военных действий. В борьбе между демократией и фашизмом левые должны быть вместе с западными демократиями. Коммунистическая партия провозгласила т.н. линию «борьбы на два фронта», которая предусматривала как оказание сопротивления фашизму, так и борьбу с правительством Н. Чемберлена. В КПВ считали, что победить фашизм при условии сохранения власти Н. Чемберлена не возможно. Концепция «борьбы на два фронта» позволяла, как поддерживать ведение войны, так и продолжать критиковать правительство.

Поддержав на первых порах переход Британии к борьбе с фашизмом, компартия продолжала проводить антиправительственную линию. В. Галлахер, депутат от компартии в Палате Общин, обрушился с критикой на

¹³³Grandi D. La politica estera dell'Italia dal 1929 al 1932. Bonacci Editore. Roma. 1985. P. 510, 511.

¹³⁴Thorpe A. The British Communist Party and Moscow, 1920 – 1943. L., 2000. P. 256.

¹³⁵Thorpe A. The Membership of the Communist Party of Great Britain, 1920 – 1945 // The Historical Journal, Vol.43, № 3 (2000). P. 788.

¹³⁶Ibid. P. 781.

¹³⁷Eaden J., Renton D. The Communist Party of Great Britain since 1920. L., 2004. P. 68.

правительство Н. Чемберлена, заявив, что не может быть доверия к тем, кто допустил «мюнхенский сговор». Призыв В. Галлахера к отставке тех, кто предал демократию, получил поддержку многих представителей других партий, сомневавшихся в эффективности правительства Н. Чемберлена.

Новая линия, провозглашенная 3 сентября 1939 г., нашла поддержку среди большинства коммунистов. Многие члены партии ушли добровольцами на фронт. Однако среди рядовых членов партии были и те, кто не поддержал косвенное одобрение войны. Противники концепции «борьбы на два фронта» опасались, что поддержка войны коммунистами приведет к «повторению событий Первой мировой войны, когда национализм победил подлинный пролетарский интернационализм»¹³⁸.

Однако линия, одобренная КПВ, вскоре стала противоречить позиции Коминтерна, которая напрямую определялась интересами Кремля. Проблема заключалась в том, что на момент начала войны Коминтерн не имел разработанных, согласованных инструкций для компартий, и лидер КПВ Г. Поллит действовал исходя из анализа ситуации в Британии.

Смена курса Кремля произошла, по мнению большинства авторов, в результате прямого вмешательства И. Сталина¹³⁹. Г. Мэтьюс считает, что смена курса Коминтерна произошла после встречи Г. Димитрова с И. Сталиным. На основании данных дневника Г. Димитрова автор утверждает, что И. Сталин высказал мнение, что война идет между двумя группами капиталистических государств, и что Гитлер, сам того не подозревая, подрывает капиталистическую систему¹⁴⁰. Генеральный секретарь высказался за то, чтобы коммунистические партии отказались от лозунгов народного и национального фронтов, поскольку дальнейшее применение такой тактики означало бы поддержку буржуазии. И. Сталин высказал мнение, что коммунисты в воюющих странах должны выступать против своих правительств.

Очевидно, что первоначально в Коминтерне не видели противоречия между официальной поддержкой коммунистическими партиями войны против фашизма и одобрением пакта Молотова-Риббентропа¹⁴¹. Однако И. Сталин, подождав две недели реакции на заключение пакта о ненападении, принял решение пойти на дальнейшее сближение с Гитлером. В связи с этим он потребовал, чтобы линия Коминтерна соответствовала изменениям в политике Советского Союза. Возможно, что таким способом он надеялся не только проверить лояльность партий и создать канал для оказания давления на внутриполитическую ситуацию в воюющих странах, но и стремился не давать повода А. Гитлеру обвинить СССР в антифашистской деятельности.

Через два дня после беседы с И. Сталиным, 9 сентября 1939 г. Секретариат Коммунистического Интернационала одобрил директивы для коммунистических партий в условиях войны. Коминтерн осудил оценку мирового конфликта как справедливой войны и определил его как имеющий империалистический характер, в котором рабочий класс ни в коем случае не должен участвовать.

Директивы фактически отрицали наличие важнейшего отличия между фашистскими и демократическими государствами, а также необходимость сопротивления нацистской агрессии¹⁴². После того как новая линия была одобрена Коминтерном, начался процесс передачи информации в коммунистические партии по всему миру. Первоначально они передавались в виде коротких тезисов, однако в разные страны информация приходила со значительным опозданием. Так, сообщение из Москвы до Лондона добиралось фактически две недели, в то время как Компартия США получила текст коротких тезисов уже 11 – 12 сентября 1939 г.

Лидер американских коммунистов Э. Браудер, следуя новым директивам, начал критику правительства и объявил, что война носит империалистический характер и обе стороны виноваты в ее развязывании. Вскоре эта информация дошла до Г. Поллита, который открыто выразил несогласие с высказываниями Э. Браудера. Таким образом, информация из Америки, свидетельствующая о смене линии, дошла до Лондона быстрее, чем конкретные директивы из Москвы.

По мнению А. Торпа, возможно, что телеграмма с полным изложением позиции Коминтерна так и не дошла до Г. Поллита из-за заговора противников, которые рассчитывали тем самым его дискредитировать¹⁴³. Г. Мэтьюс считает, что Э. Браудер получил инструкции в зашифрованном виде по радио. А британская и французская компартии по причине военных действий в Европе долгое время оставались в неведении об изменениях в линии Москвы¹⁴⁴.

¹³⁸Thorpe A. The British Communist Party and Moscow, 1920 – 1943. L., 2000. P. 257.

¹³⁹Такое мнение, например, высказывают: А. Торп, Дж. Иден и Д. Рентон и др.

¹⁴⁰About Turn: the Communist Party and Outbreak of the Second World War. L., 1990. P. 20.

¹⁴¹Ibid. P. 22.

¹⁴²Ibid. P. 19.

¹⁴³Thorpe A. The British Communist Party and Moscow. P. 258.

¹⁴⁴About Turn. P. 23.

Политика КПВ в условиях начавшегося мирового конфликта обсуждалась на первом заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Великобритании военного времени, которое состоялось 24 сентября 1939 г. Выступая на заседании ЦК, генеральный секретарь КПВ Г. Поллит сообщил, что 14 сентября в «Дейли Уоркер» получили телеграмму, что в советской прессе война определяется как империалистическая. Г. Поллит заявил, что он взял на себя ответственность не учитывать эту телеграмму, т.к. ее формулировка полностью противоречила манифесту центрального комитета от 3 сентября 1939 г., а также потому, что и в ней не осуждалась позиция британской компартии¹⁴⁵. Возможно, Г. Поллит считал, что телеграмма не отражает взвешенное, продуманное мнение Коминтерна.

Генеральный секретарь КПВ высказал серьезные возражения против смены линии. Он подчеркнул, что фашизм остается основным врагом и представляет величайшую угрозу, что было признано партией еще 1933 г.¹⁴⁶ Именно поэтому партия должна продолжать поддержку сопротивления фашистской агрессии. Тот факт, что СССР счел нужным заключить пакт о ненападении для того, чтобы не выступать против фашизма один на один, не делает войну, ведомую британцами против фашизма, несправедливой и империалистической как в 1914 г. Г. Поллит также призвал к обострению борьбы против сторонников Н. Чемберлена и попыток ограничить права профсоюзов.

Выступивший на заседании Р.П. Датт, высказал мнение, противоречащее позиции Генерального секретаря КПВ. П. Датт, почувствовав изменения в политике Москвы, заявил, что советско-германский пакт о ненападении ознаменовал складывание новой ситуации. Манифест компартии Великобритании от 2 сентября 1939 г. являлся ошибкой, т.к. в нем в качестве единственного и главного врага указан фашизм. Он также отметил, что конфликт носит империалистический характер, и что только народное правительство может защитить людей от фашизма. Р.П. Датт сделал осторожное заключение, что до тех пор, пока не будет установлен контакт с «заграничными товарищами возможно только изменение акцентов в политике»¹⁴⁷.

У. Галлахер, который являлся давним противником Р.П. Датта, осудил его за попытку «подменить одну позицию другой». Д.Р. Кемпбелл же заявил, что приравнение фашизма к либеральной демократии – это троцкистская позиция, которая должна быть осуждена. Таким образом, 24 сентября 1939 г. большинство членов ЦК КПВ поддержали Г. Поллита. Только У. Раст поддержал Р.П. Датта.

Однако согласие между членами ЦК КПВ продолжалось не долго. Вечером 24 сентября из Москвы в Лондон прибыл представитель КПВ при Коминтерне Д. Спрингхалл. На следующее утро, 25 сентября 1939 г. члены ЦК КПВ выслушали его доклад, положения которого основывались на кратких тезисах, изложенных в послании Коминтерна от 9 сентября 1939 г. Д. Спрингхалл не привез копию тезисов, но изложил высказывания Г. Димитрова и А. Марти, сообщенные ему в личной беседе. Резкая перемена курса стала неожиданностью для руководства компартии Великобритании.

Сам Д. Спрингхалл не участвовал в заседании Секретариата Коминтерна, на котором одобрялась новая линия, поэтому он не мог дать адекватный ответ на вопросы, которые задавали ему члены ЦК КПВ¹⁴⁸. Однако было очевидно, что линия КПВ идет вразрез с мнением Секретариата Коминтерна, и что необходимо вносить коррективы. Позиция Москвы ставила под сомнение уже существовавшую линию коммунистической партии.

В данной ситуации было решено объявить перерыв в работе ЦК КПВ и обсудить этот вопрос на Политбюро партии. При этом члены ЦК КПВ обязались не сообщать о существующих разногласиях в партийных организациях. Следующее заседание ЦК должно было состояться через неделю. В течение недели Г. Поллит покинул пост Генерального секретаря партии, а его позиции заняли Р.П. Датт, У. Раст и Д. Спрингхалл. Эти кандидатуры были одобрены Политбюро компартии Великобритании.

Заседание ЦК КПВ 2 октября 1939 г. открыл Р.П. Датт. В основу своего выступления он положил краткие тезисы Коминтерна, официальное изложение которой наконец-то достигло Лондона. Р. Датт выдвинул тезис, согласно которому британский и французский империализм, отвергнув идею коллективной безопасности, стали лидерами мировой реакции. Такая позиция фактически означала, что война перестанет быть империалистической, если Британия и Франция станут союзниками СССР¹⁴⁹.

Против новой позиции выступили У. Галлахер и Д.Р. Кэмпбелл. У. Галлахер заявил, что решения Коминтерна должны быть серьезно обдуманы, но не должны механически приниматься как должное. Он

¹⁴⁵Ibid. P. 25.

¹⁴⁶Ibid. P. 26.

¹⁴⁷About Turn. P. 26.

¹⁴⁸Ibid. P. 28.

¹⁴⁹Redfern N. British Communists, the British Empire and the Second World War // International Labour and Working Class History, 2004. № 60. P. 122.

осудил Р.П. Датта и заявил, что «никогда не слышал более беспринципной и бесчестной речи»¹⁵⁰. Д.Р. Кэмпбелл отметил, что в условиях поражения Франции, обрекать Британию на порабощение фашистов – моральный удар по престижу коммунизма. Он также заявил, что Германия в результате союза с СССР не ослабеет, а только усилится, а завоевание Польши – это шаг на пути к установлению власти нацистов на всей территории Европы¹⁵¹. Д.Р. Кэмпбелл и У. Галлахер считали, что новая линия приведет к изоляции КПВ от лейбористского движения, а также сблизит их позицию с взглядами троцкистов и пацифистов.

2 октября 1939 г. выступил и Г. Поллит, который обвинил П. Датта и Д. Спрингхалла в слепом подчинении Москве, в то время как решения Коминтерна должны обсуждаться, а не автоматически исполняться. Он отверг идею, что после подписания пакта Молотова-Риббентропа фашизм перестал представлять важнейшую угрозу мировому рабочему классу. Он также позволил себе сделать ряд критических замечаний в адрес Коминтерна. Г. Поллит отметил, что из заявлений, исходящих из Москвы, исчез дух интернационализма¹⁵². Он также выразил мнение, что в журнале Коммунистический Интернационал революционная риторика используется зачастую без всякого смысла, в отрыве от настоящей ситуации. Г. Поллит, как и Д.Р. Кэмпбелл, дал понять, что пакт о ненападении являлся верным решением советской дипломатии, однако данный политический ход не был достаточно хорошо подготовлен. Подписание пакта привело, по их мнению, к разрушительным последствиям для международного коммунистического движения.

Однако даже самые убедительные аргументы Г. Поллита, У. Галлахера и Д.Р. Кэмпбелла не смогли изменить мнение большинства и преодолеть укоренившуюся тенденцию к слепому подчинению решениям Коминтерна. 3 октября 1939 г. за отказ от политики «двух фронтов» и переход к линии Коминтерна проголосовали 16 членов ЦК КПВ, а также 5 приглашенных представителей партийных организаций. Голлан, Бирнс, Брамлей и Керриган высказали оговорки по поводу принятого решения¹⁵³. Против смены линии проголосовали Поллит, Кэмпбелл и Галлахер.

Голос У. Галлахера был засчитан в поддержку линии Москвы, поскольку он являлся единственным представителем КПВ в парламенте. Д.Р. Кэмпбелл был смещен с должности редактора «Дейли Уоркер», его заменил У. Раст. Г. Поллит, сложивший с себя полномочия Генерального секретаря КПВ, сохранил личный авторитет и влияние в партии.

После официальной смены курса, 7 октября 1939 г. британская компартия выступила с манифестом, отражающим политику Коминтерна. В нем говорилось о том, что война является битвой между империалистическими державами за прибыли, колонии и мировое господство. Манифест содержал жесткую критику в адрес лейбористов. Лидеры Лейбористской партии, а также тред-юнионов обвинялись в том, что они состоят в сговоре с правительством Н. Чемберлена и У. Черчилля и пытаются заставить рабочее движение поддержать несправедливую империалистическую войну. Коммунистическая партия Великобритании призвала рабочих не поддерживать курс правительства, поскольку такая политика, по мнению авторов манифеста, приведет к тому, что пролетарская молодежь станет «пушечным мясом» для несправедливой войны¹⁵⁴. Манифест призывал к созданию нового правительства, которое могло бы начать мирные переговоры, представляя интересы простых людей, а не короля и миллионеров. В документе провозглашалось, что нацистская агрессия была остановлена только благодаря силе Советского Союза, а также констатировалась готовность нацистского лидера к миру.

Ни один из отказавшихся поддержать новую линию не покинул партии. Ни Г. Поллит, ни Д.Р. Кэмпбелл не боролись за восстановление своего положения в партии, а против тройки несогласных не проводилось кампании по осуждению¹⁵⁵. Многие представители низовых ячеек также не согласились со сменой линии и симпатизировали Г. Поллиту. Некоторые авторы считают, что смена курса под давлением Москвы привела к оттоку из рядов партии¹⁵⁶. В этой ситуации компартия стремилась сохранить единство и предотвратить возможный раскол.

19 ноября 1939 г. на заседании ЦК КПВ Г. Поллит и Д.Р. Кэмпбелл заявили о том, что они приняли новую линию и представили заявления, в которых они осуждали свою предыдущую позицию и объявляли поддержку существующей позиции партии¹⁵⁷. Этот ход способствовал укреплению партии, однако смена линии под диктовку Москвы не способствовала усилению позиции компартии.

¹⁵⁰About Turn. P. 31.

¹⁵¹Ibid. P. 31.

¹⁵²Ibid. P. 32.

¹⁵³About Turn. P. 35.

¹⁵⁴Childs D. The British Communist Party and the War, 1939 – 1941: Old Slogans Revived // Journal of Contemporary History, Vol. 12, №2. 1977. P. 240.

¹⁵⁵Eaden J., Renton D. Op.cit. P. 71.

¹⁵⁶Ibid. P. 75.

¹⁵⁷About Turn. P. 37.

Фактический переход СССР к захватническим, агрессивным действиям, свидетельствующий о сговоре Москвы с Гитлером, разочаровал многих интеллектуалов, симпатизировавших коммунистам. Обострились отношения между КПВ и лейбористами. Вторжение советских войск в Польшу также дало еще один повод для критики политическим оппонентам компартии. Антивоенные лозунги коммунистов, несмотря на тяготы и лишения военного времени, не были популярными среди британцев. Об этом свидетельствовали результаты довыборов 1940 г., на которых коммунисты выставляли своих кандидатов. Представители компартии набрали мизерный процент голосов, таким образом, поддержку избирателей получили кандидаты, разделявшие официальную, провоенную позицию.

События сентября-октября 1939 г. свидетельствуют о степени зависимости КПВ от Коминтерна. Фактически британская компартия приняла решение следовать позиции, одобренной Секретариатом Коминтерна, но принятой без учета мнения КПВ. Большинство лидеров КПВ осознавали, что позиция Коминтерна идет вразрез с внутривнутриполитической ситуацией в Британии, но авторитет Москвы и стремление предотвратить раскол в партии заставил их принять решение о смене линии.

В.В. Василенко

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЭМИГРАЦИИ И ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СССР (1939 – 1943 гг.)

В настоящее время исследователи все чаще обращаются к сюжетам периода Второй мировой войны. Это обусловлено и значительным расширением источниковой базы, и методологическим плюрализмом. Не менее важен и тот факт, что в свете современных тенденций ряд событий военного времени приобретают особую актуальность. Так, в мае 2004 г. произошло самое крупное расширение в истории Европейского Союза, главным образом за счет стран бывшего соцлагеря; и уже более двух лет самое развитое интеграционное объединение в мире функционирует в новых границах. Осмысливая данный процесс, некоторые западноевропейские исследователи даже обозначили необходимость переоценки вклада стран Центральной и Восточной Европы в развитие федеративных идей¹⁵⁸. В этом контексте привлекают особое внимание федеративные планы польского правительства в эмиграции для послевоенной Европы, которые были разработаны главным образом его первым премьер-министром В. Сикорским. Подготовка к их реализации осуществлялась уже в начале Второй мировой войны и сосредоточилась на ключевом проекте польско-чехословацкой федерации¹⁵⁹. В отечественной историографии этот сюжет практически не представлен, т.к. деятельность этого правительства долгое время не получала специального рассмотрения в нашей стране по идеологическим соображениям¹⁶⁰.

Необходимо рассматривать польские федеративные планы в контексте политики не только СССР, что в основном представлено в литературе, но и Великобритании. Причем основное внимание уделяется британской политике. Такой подход поможет прояснить и специфику развития польско-чехословацкого проекта, и причины неудачи замыслов польского правительства в эмиграции.

Польский премьер на основе уроков политики Польши межвоенных лет и своей оценки расстановки сил в послевоенной Европе был намерен и усилить безопасность польского государства, и одновременно сделать его значимой региональной державой. Он предполагал создать после войны организацию государств в Центральной и Восточной Европе, не исключая в дальнейшем и Юго-Восточную, которая бы не только смогла противостоять влиянию как Германии, так и СССР, но и обеспечила бы преобладающее положение Польши в регионе. Уже на первом заседании Совета министров 6 октября было заявлено о необходимости создании системы государств в Центральной Европе как противовеса Германии и Советскому Союзу¹⁶¹. При этом значение данного объединения подчеркивает тот факт, что В. Сикорский считал его единственной возможностью решить дилемму польской безопасности – весьма уязвимое расположение между Германией и СССР.

При разработке данной концепции вскоре выявилось особое значение Чехословакии. По замыслу польского лидера, в основе союза стран региона должны лежать тесные федеративные отношения Польши и Чехословакии. Обозначенная польским правительством в ходе переговоров с Великобритани-

¹⁵⁸Lane T. Present at the creation: East Europeans and the European movement // On-line materials of the Fifth Pan-European international relations conference, 9 – 11 September 2004, the Hague. [Электрон. ресурс]. Адрес доступа: www.sgir.org. 25.09.2006.

¹⁵⁹Польское руководство использовало термин «федерация», а чехословацкое – «конфедерация». Это было обусловлено, прежде всего, разницей в подходах. Мы говорим о «федерации», поскольку в основном рассматриваем польскую концепцию.

¹⁶⁰Некоторый интерес к данной проблематике наблюдается в середине 1980-х гг., однако в дальнейшем она не получила развития: Серапионова Е.П. Чехословацко-польские отношения и проблема послевоенного сотрудничества (1939 – 1945): Автореф. М., 1985.

¹⁶¹Coutouvidis J., Reynolds J. Poland 1939 – 1947. Leicester, 1986. P. 32.